

Zoja Kuca
Uniwersytet Łódzki

ДУХОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОМАНА ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ *КАЗУС КУКОЦКОГО*

Spiritual Dimension in L. Ulitskaya's Novel *The Kukotsky Enigma*

ABSTRACT: The writings of Lyudmila Ulitskaya, one of the most popular contemporary Russian novelists, attracts lots of attention from both Russian and foreign literary critics and scholars. The author's popularity is also confirmed by the fact that her works have been translated into more than 20 different languages. The main goal of this article is to provide an analysis of the spiritual dimension of the novel *The Kukotsky Enigma*. At its very essence, the main subject of the study is the plot, which focuses on the anthropological aspect in the context of the transcendental dimension as such, hagiographic motifs and biblical metaphors. The article also discusses the syncretism of genetic elements appearing in the novel that allowed the writer to combine Christian, mythopoeic, axiological, soteriological and theological contexts. Furthermore, an attempt was made to analyse the characters, considering spiritual and moral values they represent. The intersection of two spheres – the Sacred and the profane – together with the *loci* associated with them constitute additional object of the research.

KEYWORDS: Ulitskaya, *The Kukotsky Enigma*, family, sacrum, profanum, locus, border crossing, characters, spiritual and moral values.

Роман Людмилы Улицкой *Казус Кукоцкого* – это не просто семейная сага, это книга судеб, повествование о шаткой границе между жизнью и смертью, наконец, это произведение о поколениях как иссякающих, так и тех, которые получили свой жребий на существование. Главной темой романа является тема вырождения советского человека, все остальные необходимы лишь для утверждения главной тематической линии. В произведении Улицкой затронуты вопросы нравственного и религиозного характера. В центре художественного мира писательницы находится человек, а вместе с ним кризис современной семьи¹. Лю На вслед за другими исследователями подчеркивает, что в женском

¹ Лю На, *Художественное своеобразие малой прозы Людмилы Улицкой* (На материале сборника *Люди нашего царя*), (На правах рукописи), Тамбов 2009, с. 4.

мире вопросам семьи, любви, детей уделяется больше внимания, нежели в мужском мире. Отметим, что Улицкая не фокусирует своего внимания на перечислении прилагательных, определяющих счастливую/несчастливую семью. Она приводит сотни, если не тысячи ситуаций, моментов, мгновений, которые свидетельствуют о счастье или несчастье героев. В одном из интервью писательница заявила, что «Человека формирует семья, а социум – в меньшей мере...»².

В романе также затронуты другие глобальные проблемы: граница между жизнью и смертью, нравственностью и наукой, профессиональная готовность и внутренняя иерархия ценностей, свобода и навязанное следование искусственно придуманному поведению. Человек, его судьба и сделанный им однажды выбор, становятся ключевыми константами произведения. Такие дуальные оппозиции, как молодость и старость, жизнь и смерть, красота и уродливость, мудрость и тупость, динамика и статика образуют сложный хронотоп романа.

На первый взгляд может показаться, что данный роман посвящен семье Кукоцких. Сталинская эпоха, затем 60-е годы – лишь фон в развитии событий в семействе главного героя. Возникает, однако, вопрос: если линия Кукоцких является главной в романе, почему их родовое древо, – достойных и потомственных медиков – прерывается? Это не единственный вопрос, гложащий читательскую аудиторию. Может быть, так происходит потому, что сложно однозначно определить жанровые рамки романа Улицкой? Некоторые исследователи творчества писательницы относят ее книги к беллетристике, другие к феминистической литературе³, часть литературоведов и критиков считают ее

² Беседу ведет Дмитрий Бавильский, *Людмила Улицкая: Человека формирует семья, а социум – в меньшей мере...*, 6 августа 2014, журнал «Лехаим», [в:] <https://lechain.ru/events/lyudmila-ulitskaya-cheloveka-formiruet-semya-a-sotsium-v-menshey-merе> (23.10.19). В одном из интервью Улицкая отметила, что роман *Казус Кукоцкого* – это книга о человеке и его судьбе. Подчеркивая духовную сторону книги, писательница отстаивает позицию, что любой человек является конкретным случаем в руках Господних. См. дет.: Т. Мартюшева, «*Мировой компот*» или *Казус Кукоцкого*, «Культурно о культуре», [в:] www.Erfolg.Ru, 2000, (6.10.19).

³ Т. Колядич, *Людмила Улицкая*, [в:] *Русская проза конца XX века*, ред. Т. Колядич, Москва 2005, с. 370. Относительно того, можно ли назвать литературу Улицкой феминистической, нужно еще поспорить. Приведем показательную цитату из интервью писательницы: «Хотя я в свое время и получила даже главную феминистическую премию – Симоны де Бовуар, – но это, скорее, следствие ошибки. Я вообще не феминистка. Дело в том, что меня совершенно устраивает мой пол, а благодаря тому что предшествующие поколения МУЖЧИН, главным образом мужчин, а не женщин, сделали очень многое для того, чтобы женщины смогли получать высшее образование, – я этим правом воспользовалась». См. дет.: Беседу ведет Дмитрий Бавильский, *Людмила Улицкая: Человека формирует семья, а социум – в меньшей мере...*, 6 августа 2014, журнал «Лехаим», [в:] <https://lechain.ru/events/lyudmila-ulitskaya-cheloveka-formiruet-semya-a-sotsium-v-menshey-merе/> (23.10.19). Ср: J. Tarkowska, *Tożsamość kobiet(y) a problematyka społeczno-filozoficzno-kulturowa w prozie Ludmiły Ulickiej (powieść „Веселье похороны”)*, „Studia Wschodniosłowiańskie” 2013, t. 13, s. 279-290; J. Tarkowska, *Wizerunek kobiet(y) a symbolika judeochrześcijańska w powieści Ludmiły Ulickiej „Веселье похороны”*, „Slavia Orientalis” 2014, nr 3, s. 407-418.

представительницей нового реализма с элементами модернизма и постмодернизма. Так или иначе, все сходится в одном, – в центре книг Улицкой находится человек⁴.

Артем Ковалев утверждает, что полностью раскрыть человека Улицкой помогает «размывание жанровых границ»⁵. Возможно, это и есть причина, по которой произведения Улицкой являются постоянным объектом как отечественной, так и зарубежной критики. Разнообразие подходов к творчеству писательницы вписывает ее прозу в рамки мифопоэтики, гендерного аспекта, этноэтики, новейшей герменевтики и ряда других подходов⁶. Не ошибочным, думается, будет мнение о синтетизме жанровых элементов в рамках романа Улицкой. Для книг писательницы характерна высокая художественность, усиленная экспрессивность и повышенная публицистичность – утверждает На⁷. Михаил Горелик, в свою очередь, в прозе Улицкой подчеркивает христианский, мифопоэтический, экклезиологический, сотериологический и богословский контекст⁸. В связи с темой настоящей статьи интересной представляется работа Константина и Анны Смородиных *Казус от Улицкой*. Исследователи отмечают, что около евангельских мотивов в романе выстроены божественные, семейные и еврейские смыслы. Интересно также наблюдение, касающееся использования парафраз и аллюзий из Евангелия с целью якобы перевода сакральной реальности в обыденную, профанную⁹. Авторы статьи *Казус от Улицкой* убедительно доказывают, что только на первый взгляд действие романа происходит в минувшем веке, на самом же деле оно происходит в Ветхом Завете. Критики продолжают, что в книге Улицкой представлен страшный мир, смысл которого сводится к нескончаемому потоку младенцев, которые обречены на вырождение и смерть¹⁰. Смородины утверждают, что в данном романе, если учесть православные традиции в литературе, произошла подмена смыслов, ибо жизнь оправдана навсегда и возможна лишь в присутствии Богомладенца¹¹. Здесь же, в сцене рождения ребенка, внука Кукоцких, происходит целенаправленная

⁴ См. дет.: К. Wasińczuk, *В объятиях жизни, за пределами смерти. Антропологические и духовные аспекты прозы Людмилы Улицкой (Казус Кукоцкого, Даниэль Штайн, Переводчик)*, [в:] *W kręgu problemów antropologii literatury. Antropologia przyszłości*, red. W. Supa, E. Pańkowska, Białystok 2018, с. 72.

⁵ А. Ковалев, *Творчество Улицкой в контексте современной критики*, «Наука. Техника. Технологии» 2013, № 4, с. 93.

⁶ Там же.

⁷ Лю На, *Художественное своеобразие малой прозы...*, с. 3. Для известного русского критика Галины Юзефович романы Улицкой «обладают привкусом *guilty pleasures* „запретных удовольствий”», так как в них много «банальностей» и очевидных вещей. См. дет.: Г. Юзефович, *Удивительные приключения рыбы-лоцмана: 150000 слов о литературе*, Москва 2016, с. 171.

⁸ М. Горелик, *Прощание с ортодоксией*, «Новый мир» 2008, № 5, с. 169-176.

⁹ См. дет.: К. Смородин, А. Смородина, *Казус от Улицкой*, Москва 2008, № 8, с. 213-226.

¹⁰ Там же, с. 217.

¹¹ Там же.

подмена. Добавим только, что далее цитируемый фрагмент книги – это сон Елены, в котором собрались все Кукоцкие – живые и умершие:

Павел Алексеевич берет младенца в руки [...]. И в этом младенце сходится вся радость мира, и свет, и смысл. Как будто посреди солнечного дня взошло еще одно солнце [...] младенец этот принадлежит им всем, а они ему¹².

Временная организация текста охватывает несколько эпох, на фоне которых развиваются судьбы героев. Представленная в произведении «государственная машина», управляющая человеческим сознанием и его поведением, заставляет задуматься над вопросами нравственного характера. Инакомыслие чревато лагерем и даже смертью. Это было время гонений на генетику, «лысенковщина», «дело врачей», кампания против врачей-евреев, подпольное абортирование женщин и многие другие казусные проблемы времени, прозвучавшие на страницах книги убедительно и смело.

Пространственная организация романа Улицкой наталкивает на мысль, что сферы *sacrum* и *profanum* взаимодополняют друг друга. Из этого следует, что сакральный код в произведениях Улицкой выражен эксплицитным образом. Поэтическое пространство книг писательницы отмечено сакральностью, выраженной в нескольких ипостасях. Одной из них являются заглавия: *Лестница Якова*, *Дар нерукотворный*. Название произведений – это ключевая степень актуализации *sacrum*. Не менее важное проявление *sacrum* отмечается в анти-тезе: *sacrum* и *profanum*, широко используемой в прозе Улицкой. Автор выразительно противопоставляет такие глобальные оппозиции, как добро и зло, атеизм и теизм, Бог и сатана, грешный и праведный, рай и ад. Идея святости реализуется также на уровне героев – святые, праведники, преподобные, юродивые, монахи, старцы, а также обычные мирские люди, уже воцерковленные или находящиеся в процессе воцерковления.

Главный герой романа – Павел Алексеевич Кукоцкий, колоритная фигура, замечательный семьянин и заслуженный академик, директор мединститута. По замыслу автора, главный герой обладал даром внутривидения.

С годами его внутреннее зрение укрепилось, усилилось, приобрело высокую разрешающую способность. В некоторых случаях он даже видел клеточные структуры, окрашенные, казалось, гематоксилином Эрлиха¹³.

Отметим, что Кукоцкий, как и его отец, был материалистом, и к мистике относился крайне негативно, поэтому данный дар не мог рассматривать в мистических категориях.

¹² Л. Улицкая, *Казус Кукоцкого*, Москва 2012, с. 508.

¹³ Там же, с. 15.

К своему дару Павел Алексеевич относился как к живому, отдельному от себя существу. Он не мучился над мистической природой этого явления, принял его как полезное подспорье в профессии¹⁴.

Этот дар, однако, требовал от героя книги некоторых ограничений, и ограничения эти прямым образом указывали на его мистические корни.

Дар его был аскетом и женоненавистником. Даже слишком плотный завтрак ослаблял внутривидение, так что Павел Алексеевич усвоил привычку обходиться без завтрака и первый раз ел в обед или, если во второй половине дня был поликлинический приём, вечером. Что же касается физической связи с женщинами, то она на время исключала какую бы то ни было прозрачность в наблюдаемых больных¹⁵.

И эти два ограничения – лишение себя пищи и телесная чистота – были приняты героем как что-то неподлежащее дискуссии. Дар «внутривидения» был важнее всякого чревоугодия и телесного наслаждения. Марина Межиева и Наталия Конрадова назвали героев романа «приемыши духа» и «сироты духа», аргументируя название тем, что герои неспособны к полноценной эмоциональной жизни, поскольку наделены повышенной жалостливостью и чувствительностью к окружающим¹⁶. По этой причине многие исследователи творчества Улицкой подчеркивают тяготение писательницы к сентиментализму или неосентиментализму¹⁷.

Необходимо отметить, что в христианском антропологическом видении человека любые сверхъестественные способности, если они не надуманны, а являются реальными и измеряемыми фактическими свойствами, выходящими за рамки «нормальных» возможностей человека, могут быть даны только Богом. Главным условием получения таких сил и способностей является достижение определенного уровня святости. Причем человек, ими обладающий, не может использовать их во вред своему духовному росту или росту другого человека. В этом отношении, в частности, современная экстрасенсорика, несвязанная с христианским и аскетическим подвигом, в православном миропонимании является «даром» демонических сил. В то же время с антропологической точки зрения возможности человека, его духовной и физической структуры, являются поистине неизученными. Отсюда, приписывание неисследованным явлениям демонической природы не всегда является продуктивным. История знает немало примеров людей, обладающих незаурядными духовно-психофизическими

¹⁴ Там же, с. 16.

¹⁵ Там же, с. 16.

¹⁶ М. Межиева, Н. Конрадова, *Окно в мир: современная русская литература*, Москва 2006, с. 104.

¹⁷ См. дет.: Лю На, *Художественное своеобразие малой прозы...*, с. 7.

способностями, выходящими за пределы научного рационального объяснения. В любом случае, обладание героем описанными сверхспособностями однозначно определяет их духовную природу, которая всякий раз подвергалась ущербу и дисгармонии из-за определенного физического образа жизни героя: телесный контакт с женщинами и обильное потребление пищи приводило ко временной утрате сверх способностей «внутривидения».

В то же время, христианская агиография изобилует многочисленными примерами житий святых, которые в определенный период своего духовного роста получали от Всевышнего дары в виде психофизических сверхспособностей: ясновидение, перемещение в пространстве, воскрешение умерших, способность исцелять болезни. Христианская онтология определяет утрату духовных способностей человека грехопадением. В этом отношении Творец целенаправленно лишает человека сверхспособностей, чтобы избежать большего зла. Отсюда их повторное раскрытие в человеке зависит от степени духовного исцеления. Тем не менее, человеческая природа отдельных лиц иногда все же проявляет те способности, которые, судя по всему, изначально были заложены Творцом в человеке.

Отметим, что творчество Улицкой насыщено разными антропологическими типами: юродивые Христа ради, путешественники-странники, преподобные¹⁸ и праведные угодники Божии. Интересно, что перечисленные типы святых не всегда наделяются автором книг сакральными характеристиками и тем более отличаются воцерковленностью. Этот факт наталкивает на мысль, что в образе Павла Кукоцкого, наделенного сверхъестественными способностями «внутривидения», не стоит доискиваться генезиса данного явления. Насыщая романы религиозно-философской нагрузкой, Улицкая пытается постичь тайну человека. Темы жизни и смерти, смысла человеческой жизни, свободы и выбора, веры и неверия становятся сквозными мотивами ее книг. Религиозная наполненность романов писательницы служит жанровым расширением романа, переходящего таким образом в агиороман¹⁹.

Нужно отметить, что в сознании героя-атеиста происходит чередование сфер: *sacrum* и *profanum*. То же самое наблюдается в его поведенческой сфере. Являясь мистиком, герой был наделен Божьим даром «внутривидения», которому он был послушен в ограничениях; никогда не отрицая Бога, но и не интересуясь духовными вопросами, он поощряет поведение Василисы с ее ночными молениями.

Временные рамки романа отнюдь не исчерпываются 40-80-ми годами XX века. Реальное время переплетается или даже пересекается с миром в каком-то другом измерении, то ли с фантастическим, то ли с онейросферой. В двух измерениях – в реальном и ирреальном – живет жена Кукоцкого – Елена

¹⁸ K. Wasińczuk, *В объятьях жизни, за пределами смерти...*, с. 74.

¹⁹ Д. Бычков, «Средневековая душа»: художественные функции образа житийного персонажа в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого», «Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных искусств» 2009, № 3, с. 133-135.

Георгиевна. Вторая часть книги целиком посвящена промежуточному состоянию героини: между жизнью и смертью. В романе целенаправленно использован прием противопоставления двух времен: реального и ирреального. Реальный хронотоп связан с реальным историческим временем, в то время как ирреальный с субъективными переживаниями героини, как бы на время выпадающей из реального хронотопа. Каждый герой имеет свое индивидуальное пространственно-временное бытие²⁰. Добавим лишь, что переход героини в мир пророческих снов, в мир иллюзий происходит в момент осознания ею того, что любимый человек «отбирает» у нее возможность отстаивать свое мнение, касающееся прав и потребностей женщин.

Категория свободы и вольной воли в романе связана со всеми героями и понимается ими по-разному. Для главного героя она заключается в отстаивании общечеловеческих принципов в области медицины. Его жена видела свободу в семейном счастье, Василиса – в вере, Татьяна – во вседозволенности, которая и стала причиной ее личной трагедии. В художественном мире писательницы свобода – это не только способ самовыражения, но также, а может и прежде всего, не навязанный и вынужденный образ существования и бытования. Свобода в книгах Улицкой – это форма жизни *modus vivendi*.

Анализируя хронотоп романа²¹, Юлия Коврига выделяет целый ряд локусов со сферой мортальности. Согласимся с исследовательницей, добавив однако, что дом Кукоцкого на имплицитном уровне, до ссоры супругов, не обладал ни закрытостью/замкнутостью, ни деструкцией и темнотой, скорее наоборот, до указанного момента локус семейства, как на имплицитном, так и на эксплицитном уровне был наделен положительными чертами. Как пример приведем только несколько групп локусов в романе, наделенных танатологической семантикой. 1) Номинирующие некропространства: кладбище, морг, тюрьма, лагеря; 2) локусы, расположенные под землей: недра, полуподвальные и подвальные квартиры; 3) локусы небольшие по своим размерам, деструктивно действующие на человека: узкий кабинет, тесное и темное место и целый ряд других локусов, на которых мы не будем концентрировать свое внимание²². Отметим, что организация такого пространства и соответствующих ему локусов во многом продиктована романным временем, исторической эпохой и царящими в ней ценностями. Аморфность локусов способствует не только старению и вымиранию общества, но также, а может и прежде всего, – деструкции и уничтожению ценностей.

Замкнутость и закрытость локусов отнюдь не связаны лишь с негативными характеристиками. Возьмем, к примеру, узкую, тесную, темную комнату

²⁰ Ю. Семикина, *Антиномия «открытого» и «замкнутого» хронотопа в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»*, «Актуальные проблемы литературоведения» 2008, № 2 (26), с. 168.

²¹ Ю. Коврига, *Танатологические приметы хронотопа романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»*, «Наукові записки ХНПУ ім. Г. Сковороди» 2015, вип. 3 (82), с. 48-60.

²² Там же, с. 53.

Василисы – чулан, как называли ее домашние. Добавим, что это единственное помещение малых размеров в квартире доктора, не предназначенное для проживания, тем не менее целенаправленно выбранное героиней. Замкнутость этого локуса не имеет ничего общего с дальнейшей деструкцией героини. Учитывая молитвенный образ жизни Василисы, ее юродствование и уединение от реального мира, данное пространство является идеальным местом побега героини от мира. Феномен юродства как раз и заключается в том, чтобы отрешаться от мира достатка в сторону мира ограничений. Эта комната – темная и маленькая – напоминала скорее монастырскую келью, нежели комнату в жилой квартире, и была идеальным локусом для юродивой жизни Василисы.

Анализируя образ Василисы, целесообразным представляется сделать короткое замечание о юродстве, и лишь после этого на примере героини аргументировать приписываемую ей категорию святости. В богословской литературе по исследованию данной проблемы подчеркивается связь юродства о Христе с праведностью и блаженством. В обоснование такого подхода иеромонах Алексей в книге *Юродство и Столпничество* прибегает к изречениям преосвященнейшего Митрополита Михаила²³, который, в свою очередь, одним из главных качеств истинного *преподобия* считает единство и согласие человеческого духа с Духом Божиим, подобность душевных совершенств человека с Божиим совершенством, сродность свойств человека и Бога. Из всего этого иеромонах Алексей делает вывод о том высоком смысле христианского подвига, который принимали на себя юродивые, называемые Церковью то *преподобными*, то *праведными*²⁴. Подтверждением этого факта, согласно иеромонаху Алексию, является также наименование святых юродивых частным определением *праведные* и *богоносные*. Эти важные определения полностью «соответствуют св. юродивым, как постоянным носителям в сердцах своих Христа; святая Церковь именует их домом, жилищем Духа Пресвятого»²⁵.

Светская литература, посвящённая рассматриваемой теме, сравнивает юродство с античным кинизмом. Подобного рода подход можно наблюдать у Никиты Толстого в статье *Русское юродство как форма святости*, в которой автор утверждает, что византийское юродство связано с кинизмом не столько по части внутренней, сколько по внешней: аскетизм, парадоксальность поведения, социальный протест. Но даже если такое сходство и имело место, то с принятием христианства юродство приобрело совсем иной смысл, и было направлено только на служение Богу, отличалось полным бескорыстием и самоотвержением²⁶. На сходство юродивого с киником обращают внимание также исследователи древнерусской культуры: Дмитрий Лихачев и Александр Панченко.

²³ Митрополит Михаил, мирск. Матфей Михайлович Десницкий (8.11.1761 –24.03.1821).

²⁴ См.: Иеромонах Алексей (Кузнецов), *Юродство и столпничество*, Москва 2000, с. 57.

²⁵ Там же, с. 57.

²⁶ Н. Толстой, *Русское юродство как форма святости: Folklor. Sacrum. Religia*, red. J. Bartminski, Lublin 1995, т. 2, с. 32.

Исследователи утверждают, что как для одних, так и для других свойственно отрицание красоты, оба феномена стремятся к достижению духовной свободы. В юродстве главным мотивом является укор, в кинизме – момент эпатирования²⁷.

Василиса, второстепенная героиня романа, появляется в те моменты, когда затрагиваются вопросы религиозного и нравственного характера. Она является носителем высоких христианских ценностей. Как внешним видом, так и своим поведением она больше напоминает юродивых, чем воцерковленного человека. Автор книги наделяет героиню иконографическими трафаретными чертами. ореол святости Василисы отмечен также ее крайне узким кругом общения. Наделение образа типичными для житийных героев чертами не представляется случайным: слезливая, тихая, спокойная, потаенная. Перечисленные черты, дополненные слепотой, в точности сходятся с чертами агиографических героев.

Путь Василисы к вере имеет свое начало после смерти ее родителей, когда героине посчастливилось отправиться с соседкой на праздник в Оптину Пустынь. Добавим, что святые места восполняют агиографическую картину литературного мира писательницы, в котором сакральность пространства имеет немаловажное значение. В христианском мире святые места, прославившиеся не столько чудесами, сколько живым присутствием в них Бога и Его святых, являются своего рода земными центрами средоточия духовной энергии, преобразующей пребывающего в них человека и оказывающей благотворное влияние на его духовный рост. Возможно, отсюда у Улицкой наблюдается столь выраженное стремление к изображению паломничества, без которого раскрытие путей постижения святости представляется весьма ограниченным.

Момент посещения героиней Оптиной Пустыни отмечен в ее жизни как начало пути к вере. На обратной дороге из монастыря с героиней происходит неопишное, по ее словам, чудо. Василиса почувствовала присутствие любящего ее Иисуса Христа, который в дальнейшем становится смыслом ее жизни. С этого момента героиня пребывает в сакральном локусе: сначала в монастыре, затем в доме Кукоцких, обустроив в чулане «келейку», – место для тайной молитвы. И время, и пространство в случае данного персонажа сакрализируются. Несмотря на гонения против религии, вера Василисы остается непоколебимой. В Боге она обретает свободу. Для героини характерно восприятие жизни как путешествия-странствия, временного пребывания в мире.

Образ Василисы связан со святостью «в миру», которая сводится не только к нравственности и религиозной образованности человека²⁸. Героиня – воцерковленная личность, для которой деятельное участие в мистике спасения является не просто симптоматическим, а императивным фактором. Трансцендирование человека, понимаемое как его устремление к высшей реальности, на примере Василисы показано на волевом и эмоциональном уровнях религиозных

²⁷ Д. Лихачев, А. Панченко, *Древнерусское юродство*, [в:] *Смеховой мир Древней Руси*, Ленинград 1992, с. 103.

²⁸ С. Климова, *Феноменология святости и страстности*, Санкт-Петербург 2004, с. 36.

актов (молитвы, таинства, паломничество) и религиозных переживаний героев. Для постоянного пребывания «в Боге» и «с Богом» молитва для Василисы являлась важнейшим жизненным делом – смыслом существования. Василиса – «монашка в миру», и вера для нее – не идея, но основа бытия.

Как зарубежная, так и русская критика придерживаются разного мнения по поводу еврейского вопроса в книгах Улицкой. Казалось бы, еврейская тема в творчестве писательницы более чем закономерна. В одном из интервью автор многочисленных книг заявляет:

Я происхожу из еврейской семьи, в третьем поколении – высшее образование. [...] Семья была прекрасная – достойные, порядочные люди. Почти все. Прадед был религиозный еврей, последний в семье, после него пошло атеистическое поколение²⁹.

На вопрос журналиста: чувствовала ли она в детстве свое еврейское происхождение? – писательница строго ответила:

Я не чувствовала, я знала. В 1953 году, когда было «дело врачей» и антисемитизм пер из всех щелей и подворотен, я яростно дралась с одним дворовым мальчишкой, моим сверстником. Жить тогда было очень противно, но в нашей дворовой компании ко мне хорошо относились. Маму тогда сократили на работе, она в Институте педиатрии работала, но потом восстановили. Я знала, что евреем быть плохо, но вполне с этой неприятностью справлялась³⁰.

Исходя из вышеприведенных откровений писательницы, можно сделать вывод о выраженном национальном сознании семьи Улицкой. Фраза «еврейка в третьем поколении» говорит сама за себя: воспитание писательницы велось с учетом национальной истории и этнической принадлежности.

Интересное мнение по поводу еврейского вопроса у Улицкой озвучил культуролог и публицист Горелик. Он считает, что несмотря на то, что в книгах писательницы появляется много героев еврейского происхождения, это абсолютно не обозначает, что еврейский вопрос в творчестве писательницы является ключевым.

Евреи есть – пишет эссеист – еврейского вопроса нет. [...] Оно сведено обыкновенно к социально обусловленным ситуациям и психологическим частностям. Интерес Улицкой не в «еврейском», глаза ее смотрят на другое³¹.

²⁹ Беседу ведет Дмитрий Бавильский, *Людмила Улицкая: Человека формирует семья, а социум – в меньшей мере...*, 6 августа 2014, журнал «Лехаим», [в:] <https://lechain.ru/events/lyudmila-ulitskaya-cheloveka-formiruet-semya-a-sotsium-v-menshey-mere/> (23.10.19).

³⁰ Там же.

³¹ М. Горелик, *Прощание с ортодоксией...*, с. 169-176.

Противоположное мнение высказывает Владимир Опендик, исследователь еврейской темы во время революции и Гражданской войны, приводя огромное количество опровержимых фактов, обвиняет писательницу в лживых суждениях о евреях³². Критик, анализируя творчество Улицкой с точки зрения еврейского вопроса, не оставляет на ней сухой нитки, обвиняя писательницу во всем грешном и праведном. Приведем цитату:

На самом деле, Улицкая «выблевала» еврейский вопрос, которым она занимается с позиций католического и православного богословия, и который оказался для её желудка неудобоваримым, а для ума – непосильным³³.

Указанный фрагмент критического высказывания о писательнице характеризует не столько ее творчество, сколько личность критика. Ортодоксическое современное еврейство до сих пор, к сожалению, крайне замкнуто в своих суждениях, основывающихся, в основном, на талмудической доктрине вражеского настроения ко всему *не* еврейскому. В данной парадигме самым страшным преступлением является уход еврея от старо-иудейской традиции, особенно в сторону христианства. В данном случае, пример Опендика – последователя крайне выраженного еврейского национализма, свидетельствует в пользу именно такой интерпретации вещей. Принадлежность к христианству коренного еврея, который не скрывает своей национальности и одновременно выходит за рамки устоявшейся практики «верности» религии Отцов, является наиболее «отвратительным» свойством в глазах «правверных» евреев, что и иллюстрируют высказывания г-на Опендика.

В связи с еврейским вопросом отметим, что текст *Казус Кукоцкого* обилует библейскими реминисценциями, прямыми ссылками на Ветхий Завет. Уже само название «Авраамовы дети» отсылает непосредственно к Ветхому Завету, а также эпизод с плачущим мальчиком, перекликающийся с сыном Давида:

Мальчик плакал, страдал. Его отец покинул свой дом, лучший дом в каменном городе, единственный деревянный дом, и всю неделю лежал на земле, не ел, не пил и молил Всевышнего, чтобы Он сохранил ребенку жизнь. Но Всевышний на этот раз отвернулся от своего любимца³⁴.

В данном повествовательном контексте автор апеллирует к древней ветхозаветной сцене, когда плачущий Давид умолял Господа о сохранении жизни младенца, рожденного от бывшей жены праведного Урии. Следующее

³² См. дет.: В. Опендик, *Откровение католички*, [в:] www.newswe.com 2005–2018 (23.10.19).

³³ В. Опендик, *Православие Людмилы Улицкой*, 2012, [в:] <https://www.proza.ru/2012/01/23/107> (24.10.2019).

³⁴ Л. Улицкая, *Казус Кукоцкого...*, с. 238.

высказывание Иудея полностью подтверждает правильность определенной интерпретационной коннотации: «Да еще и мужа этой красотки на верную смерть послал, чтобы завладеть еще одной, когда и своих баб предостаточно...»³⁵ – аргументировал свою логику с помощью перифразы из Библии³⁶.

Подводя итоги настоящего исследования отметим, что фокусирование сюжета на антропологическом аспекте в контексте трансцендентного измерения, является не простой задачей. Тем не менее, используя представленные выше приемы художественной и агиографической литературы, Улицкая представляет свое видение сакральности, своего рода поведенческую интерпретацию духовного человека, вынужденного жить и трудиться в атеистическом обществе. В этом отношении библейская аксиома: «Бог действует, как хочет», находит свое подтверждение в жизни лиц, казалось бы, на первый взгляд, далеких от религиозности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Zoja Kuca – dr, adiunkt; Uniwersytet Łódzki, Wydział Filologiczny, Instytut Rusycystyki

Najważniejsze publikacje: *Пути постижения святости в прозаическом наследии Бориса Зайцева (1922-1972)*, Lublin 2012, ss. 387; *Podręcznik do nauki języka rosyjskiego na poziomie B2-C1: Dyskusja*, Wydawnictwo Profamilia, Łódź 2019, ss. 160; Portal www.diskussia.pl; *Страх перед смертью в повести Леонида Ржевского «... показавшему нам свет» (Духовно-нравственная эволюция героя)*, [w:] *Emigracja rosyjska, ukraińska i białoruska. Spruścizna literacka, religijno-filozoficzna. Kulturowe zbliżenia*, red. A. Woźniak, Lublin 2019, s. 291-304; *Религиозный дискурс на примере повести И. Пятницкой «Пима Солнечный»*, [w:] *W kręgu problemów antropologii literatury. Antropologia przyszłości*, Białystok 2018, s. 203-219; *Роль и статус женщины в исламском мире на примере Юлии Сысоевой „Бог не проходит мимо“*, „Roczniki Humanistyczne” 2018, Tom LXVI, z. 7: Słowianoznawstwo, s. 109-124; *Художественно-документальная проза Светланы Алексиевич на примере книги «Цинковые мальчики». «Страх человечнее смелости»*, „Lublin Studies in Modern Languages and Literature” 2018, 42 (2), s. 20-34; *Поликультурное пространство художественного текста*, „Roczniki Humanistyczne” 2016, Tom LXIV, z. 7: Słowianoznawstwo, s. 95-107.

ORCID: 0000-0003-2194-9250

E-mail: zoja.kuca@uni.lodz.pl

³⁵ Там же.

³⁶ Книга 2-я Царств, 11:17.